BF
181

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.

В. В. Зѣньковскаго.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериговская улица.
1905.

BF
181

Дорогому С. К. Булгакову
отъ автора

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.

В. В. Зѣньковскаго.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла И. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

BF
181

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

БИБЛІОТЕКА
ВЕЩЕСТВЕННО-ЛИТОВСКОЙ
АКАДЕМІИ.
201559

Современное состояніе психофизической проблемы.

Психофизическая проблема или проблема связи души и тѣла въ настоящее время является одной изъ наиболѣе центральныхъ темъ, вокругъ которыхъ вращается современное философское творчество. Кто слѣдитъ за русской философской мыслью, тотъ, пожалуй, едва ли согласится съ этимъ,—но чтеніе повременныхъ философскихъ журналовъ, издающихся въ Западной Европѣ и особенно въ Германіи, убѣждаетъ въ томъ, что психофизическая проблема привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе современныхъ мыслителей. Однако, разобраться въ движеніи философской мысли, поскольку оно вылилось въ разработкѣ указанной проблемы, отдать себѣ отчетъ въ борьбѣ мнѣній и занять опредѣленную позицію по отношенію къ тѣмъ или инымъ теоретическимъ построеніямъ въ данномъ направленіи—является дѣломъ очень нелегкимъ въ виду того, что литература по этому вопросу чрезвычайно разбросана.

Въ этомъ отношеніи очень цѣннымъ является недавно появившійся трудъ проф. Busse—Geist und Körper, Seele und Leib, дающій возможность ознакомиться съ основными теченіями философской мысли въ разработкѣ психофизической проблемы. Но въ виду значительнаго объема книги Busse и недоступности ея для многихъ русскихъ читателей, незнакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ, мы считаемъ не лишнимъ дать краткій очеркъ современнаго состоянія психофизической проблемы.—Мы не будемъ, конечно, останавливаться на деталяхъ,—но все таки подробно изложимъ основные пункты проблемы. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что, слѣдуя

въ общемъ книгѣ Busse, мы во многихъ мѣстахъ излагаемъ вопросъ по другимъ авторамъ, принимавшимъ участіе въ разработкѣ вопроса о душѣ. Нѣкоторыя же главы (особенно это надо сказать о теоріи причинности, которой Busse удѣляетъ мало мѣста) излагаютъ матеріалъ, не использованный Busse.

Въ свое время въ Россіи особенной популярностью пользовалось то рѣшеніе психофизической проблемы, которое носитъ названіе матеріализма. Согласно этому пониманію связи души и тѣла, душа является или физическимъ явленіемъ (душа есть матерія, душа есть движеніе) или же *продуктомъ*, дѣйствіемъ физическихъ явленій. Разумѣется, при такомъ пониманіи психическаго, какое устанавливалъ матеріализмъ, въ проблемѣ связи души и тѣла было такъ же мало загадочнаго и непонятнаго, какъ, напримѣръ, въ проблемѣ связи тепловыхъ и механическихъ процессовъ. Но матеріализмъ, бывшій, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ философскимъ недоразумѣніемъ, давно уже вымеръ,—и главнымъ результатомъ побѣды надъ матеріализмомъ нужно считать распространеніе той идеи, что психическое бытіе, имѣя признаки, рѣзко отличающіе его отъ матеріальнаго міра, обладаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ независимостью. Эта идея, какъ ясно само собой, не только не устраняла психофизической проблемы, но именно съ особенной настойчивостью выдвигала ее. Первичнымъ, эмпирически даннымъ фактомъ является то, что душа связана съ тѣломъ,—и какъ бы гносеологія ни освѣщала вопросы о природѣ духа и матеріи, все таки въ объясненіи нуждается тотъ фактъ, что „эта данная душа соединена именно съ этимъ тѣломъ“ [1]) и составляетъ съ нимъ то эмпирическое единство, въ которомъ каждый самъ по себѣ увѣренъ.

Съ уничтоженіемъ матеріализма и признаніемъ независимости духа, осталось всего двѣ возможности истолкованія связи души и тѣла: либо возможно признать, что душа и тѣло (или вообще двѣ сферы бытія—духъ и матерія) находятся въ причинномъ взаимодѣйствіи или же можно не признавать этого. Если не признавать возможности причинныхъ связей между душей и тѣломъ, то остается

---

[1]) Schuppe. Der Zusammenhang von Leib und Seele S. 2.

всего одинъ способъ истолкованія факта связи души и тѣла— именно признать параллелизмъ душевныхъ и тѣлесныхъ (въ частности нервныхъ) процессовъ. Такимъ образомъ in abstracto психофизическая проблема можетъ имѣть всего два рѣшенія—либо параллелизмъ либо признаніе причиннаго взаимодѣйствія. Впрочемъ въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что такая формулировка не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, что правильнѣе было бы сказать: при *научномъ* рѣшеніи вопроса о связи души и тѣла возможно либо признавать психофизическую причинность либо отрицать ее и признавать замкнутую причинную цѣпь физическаго и психическаго рядовъ. Чтобы сдѣлалось понятнымъ, почему дѣло такъ обстоитъ именно при научномъ истолкованіи психофизической проблемы, достаточно вспомнить, что существуетъ цѣлый рядъ мыслителей—защитниковъ „научной" философіи,—отрицающихъ возможность метафизическихъ построеній, метафизическихъ дополненій къ даннымъ опыта. Поэтому многіе, не считая возможнымъ признать причинную связь между психическими и тѣлесными процессами, не считаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ говорить и о параллелизмѣ этихъ процессовъ, такъ какъ единственно на что уполномочиваетъ опытъ, по мнѣнію этихъ мыслителей,—это признать независимость причинныхъ рядовъ психическаго и физическаго. Если иные мыслители (какъ напр. Эббингаузъ, Паульсенъ, Геймансъ и др.) и защищаютъ теорію параллелизма, то у нихъ дѣло идетъ не о параллелизмѣ онтологическомъ—т. е. о параллелизмѣ самихъ процессовъ, а только о *параллелизмѣ нашего воспріятія* двухъ рядовъ явленій. Иначе говоря, по мнѣнію иныхъ противниковъ теоріи взаимодѣйствія, *нервные и психическіе процессы не совершаются, а только воспринимаются нами параллельно.* Вотъ почему, по нашему мнѣнію, нельзя говорить, что при рѣшеніи психофизической проблемы возможны всего двѣ теоріи—теорія параллелизма и теорія взаимодѣйствія. Болѣе соотвѣтствующимъ фактамъ было бы говорить (какъ это мы убѣдимся въ дальнѣйшемъ) о теоріи, признающей возможность взаимодѣйствія, и теоріи, не признающей этого взаимодѣйствія.

Буссе [1]), изслѣдуя вопросъ объ „истинномъ" и „не истинномъ" параллелизмѣ, приходитъ однако къ справедливому выводу, что параллелизмъ не можетъ быть не метафизическимъ, такъ какъ,

[1]) Busse 67—86.

основываясь, главнымъ образомъ, на невозможности психофизической причинности, онъ исходитъ изъ такихъ аргументовъ, какъ признаніе замкнутой естественно-научной причинности. Конечно это послѣднее положеніе отнюдь не можетъ быть признано опытнымъ положеніемъ; выходя за предѣлы опыта и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяя на самое истолкованіе опыта,—т. е. не могущее ни быть доказаннымъ, ни опровергнутымъ опытомъ, это положеніе является чисто метафизическимъ, а слѣдовательно всѣ тѣ выводы, какіе дѣлаются изъ него, не могутъ быть признаны имѣющими только эмпирическій характеръ. Въ силу этого точка зрѣнія такъ наз. эмпирическаго параллелизма, если она основывается на такихъ утвержденіяхъ, какъ принципъ замкнутой естественно-научной причинности, по существу содержитъ въ себѣ логическое противорѣчіе (и это особенно надо сказать про Вундтовскій „принципъ эмпирическаго параллелизма", формулируемый имъ въ Психологіи) [1]).

Мы уже упомянули, что противниками теоріи взаимодѣйствія являются мыслители, очень различно понимающіе теорію параллелизма, которую имъ приходится защищать, выступая противъ теоріи взаимодѣйствія. Поэтому мы, прежде всего, укажемъ на главные типы параллелистическихъ теорій. Упомянемъ, прежде всего, о томъ типѣ параллелизма, который въ настоящее время встрѣчается очень рѣдко, который, однако, игралъ въ исторіи мысли громадную роль. Мы говоримъ о спинозизмѣ. Его основной чертой является *реализмъ*, переходящій въ *дуализмъ*: для Спинозы, главнаго представителя такого пониманія, физическое и психическое, по характеру своего бытія, *равноцѣнны* и одинаково реальны (если не смотрѣть конечно на аттрибуты, какъ на формы нашего мышленія, субъективныя построенія,—какъ это думали Тренделенбургъ и Эрдманнъ; пониманіе ихъ достаточно опровергнутое, теперь уже не раздѣляется историками философіи [2]). Дуализмъ у Спинозы превращается въ *монизмъ* субстанціи, аттрибутами которой являются „мышленіе и про-

[1]) Что же касается до такого пониманія параллелизма, при которомъ онъ вытекаетъ не изъ принципа замкнутой причинной цѣпи физическаго ряда, а изъ гносеологическихъ данныхъ,—то эта форма его, не содержащая по существу противорѣчій, тоже не можетъ быть удержана, какъ это выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія.

[2]) См. объ этомъ Kuno-Fischer Gesch. d. n. Phil. B. II. S. 389, ff. Виндельбандъ. Исторія новой философіи. Стр. 170. Фалькенбергъ. Исторія новой философіи 116.

тяженіе". Однако, какъ извѣстно, Спинозѣ не удалась попытка уяснить единство субстанціональнаго бытія того, что распадается аттрибутивно на два ряда явленій,—и по отношенію къ нему можно признать правильными слова Штумфа въ его рѣчи на международномъ психологическомъ конгрессѣ въ Мюнхенѣ: „единая субстанція, которая должна раскрываться въ двухъ аттрибутахъ протяженія и мышленія, является только *словомъ*, которое выражаетъ потребность избѣжать дуализма, но въ дѣйствительности не устраняетъ его" [1]). Понятно поэтому, что защитники спинозовскаго реалистически-монистическаго параллелизма особенное вниманіе обратили на то, чтобы уяснить субстанціональное единство физическаго и психическаго. Со временъ Фехнера у психологовъ въ большомъ ходу примѣненіе для этого *образовъ*, которые должны уяснить единство двусторонняго бытія (такъ называемая Zweiseitentheorie). Однако значеніе *такихъ* попытокъ раскрыть единство бытія, само собою разумѣется, невелико, и ихъ вполнѣ правильно оцѣниваетъ Риккертъ, говоря, что они оказываютъ такую же плохую услугу параллелизму, какъ и знаменитый матеріалистическій образъ Фохта—матеріализму. Но если образы не пригодны, какъ философскіе аргументы, то миимой оказалась и цѣнность ихъ для истолкованія самой *возможности* единства. Въ типичномъ примѣрѣ Фехнера психическое и физическое признаются такими же двумя сторонами „единаго", какъ выпуклое и вогнутое являются двумя сторонами одной кривой линіи. Но ясно, что на ряду съ двумя сторонами приходится признать нѣчто третье, которое уже не является ни психическимъ ни физическимъ, такъ какъ кривая линія *имѣетъ* выпуклую и вогнутую сторону, но сама не есть ни то ни другое. Такимъ образомъ, признавая теорію двусторонности (Zweiseitentheorie) и допуская нѣчто третье, связующее эти двѣ стороны въ нѣчто единое, мы не уничтожаемъ дуализма: вѣдь вогнутое и выпуклое, существуя не сами по себѣ, а только въ линіи, все таки различны,—и образъ Фехнера не объясняетъ „почему вещи, которыя такъ различны, все же суть стороны одного и того же единаго" (Слова Ремке. Цит. по Busse p. 133). Чтобы выйти изъ такого затрудненія, говорили (Фехнеръ, Лассвицъ, Адикесъ), что обѣ стороны едины сами по себѣ, безъ всякаго третьяго, что то, что съ одной стороны представляется,

[1]) Stumpf. Leib und Seele. S. 16.

какъ нервный процессъ, есть въ *то же время* психическій процессъ. Но это приравниваніе двухъ одному (два процесса есть въ то же время одинъ процессъ), хотя дѣлаетъ возможнымъ монизмъ, но совершенно уничтожаетъ, какъ это указалъ Ремке [1]), *различіе* психическаго и физическаго. Такимъ образомъ, можно либо признавать на ряду съ двумя сторонами нѣчто третье—въ такомъ случаѣ не удается устранить дуализмъ,—либо отрицать это „третье", –но въ такомъ случаѣ, пренебрегая различіями двухъ сферъ бытія, совершаютъ ту же ошибку, какую допускали матеріалисты. Приходится поэтому признать, что *точка зрѣнія реалистически-монистическая не можетъ быть признана удовлетворительной позиціей.*

Особенностью и преимуществомъ реалистическаго параллелизма является то, что на почвѣ его дѣйствительно можно говорить о *параллелизмѣ процессовъ* (нервныхъ и психическихъ). Благодаря этой особенности, удается отвѣтить на вопросъ о связи данной души съ даннымъ тѣломъ,—такъ какъ нервные и психическіе процессы въ дѣйствительности совершаются параллельно. Однако, на точкѣ зрѣнія реализма очень трудно остановиться въ виду гносеологической спорности ея. Большинство современныхъ мыслителей частично или вполнѣ феноменалисты, т. е. видятъ либо въ матеріальныхъ либо и въ матеріальныхъ и психическихъ процессахъ только *явленія*, которые существуютъ только эмпирически, т. е. будучи кѣмъ нибудь, какимъ нибудь сознаніемъ воспринимаемы. Болѣе стройная точка зрѣнія несомнѣнно—у чистыхъ феноменалистовъ, уничтожающихъ трансцендентность какъ субъекта такъ и объекта: и матеріальный и психическій міръ онтологически равноцѣнны,—и потому логически возможно говорить о „параллелизмѣ" двухъ рядовъ. Между тѣмъ для частичныхъ феноменалистовъ, отрицающихъ трансцендентность объекта, но признающихъ, что въ субъектѣ раскрывается „дѣйствительность сама по себѣ", приходится признать „параллелизмъ" между двумя совершенно неравноцѣнными рядами—между вещью въ себѣ и явленіемъ. Въ какомъ смыслѣ здѣсь можно говорить о параллелизмѣ? Реально совершаются процессы, по природѣ своей психическіе,—но, будучи восприняты чьимъ нибудь сознаніемъ, эти процессы воспринимаются, какъ матеріальные процессы. Реально этихъ матеріальныхъ процессовъ *нѣтъ:* они существуютъ

[1]) Busse p. 140.

постольку, поскольку они воспринимаются чьимъ нибудь сознаніемъ. Поэтому нужно считать просто недоразумѣніемъ, если напр. Паульсенъ, Геймансъ и др. говорятъ о параллелизмѣ—они признаютъ, въ сущности, нѣчто другое. То же надо сказать, и о представителяхъ полнаго феноменализма (какъ Эббингаузъ), гносеологическую точку зрѣнія которыхъ можно было бы также характеризовать какъ *эмпирическій дуализмъ*. Оба ряда явленій не совершаются параллельно—такъ какъ реально они не существуютъ [1]). Поэтому о параллелизмѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Эргардтъ (Psychophysische Parallelismus und Erkenntnisstheoretische Idealismus. S. 4) говоритъ по этому поводу совершенно справедливо: „если параллелизмъ можетъ имѣть смыслъ, то онъ долженъ быть мыслимъ *реалистически*; необходимая предпосылка параллелизма—это признаніе реальности психическихъ и матеріальныхъ процессовъ". Къ сожалѣнію, защитники идеалистической гносеологіи не сознаютъ этого и утверждаютъ, что они развиваютъ именно теорію параллелизма. Всѣ ихъ попытки доказать, что ихъ пониманіе связи душевныхъ и тѣлесныхъ процессовъ—параллелистическое, оказались несостоятельны, но чтобы дать понятіе о современныхъ параллелистическихъ конструкціяхъ, мы остановимся на этомъ. Особенно тщательно-продуманную конструкцію далъ Геймансъ. Пусть психическій процессъ, происходящій въ С, наблюдается В; В представляетъ себѣ процессъ въ С, какъ мозговой процессъ; но надъ В наблюдаетъ А,—и тотъ актъ представленія у В, когда В наблюдаетъ въ С мозговой процессъ, для А самъ представляется какъ мозговой процессъ. Явленіе въ В, такимъ образомъ, есть „наблюденіе", „психическое" явленіе, если мы не обращаемъ вниманія на *содержаніе* этого наблюденія и отвлекаемся отъ него (иначе—оно будетъ „психическимъ" съ точки зрѣнія А); если же мы возьмемъ наблюденіе В съ точки зрѣнія его *содержанія*, то оно будетъ принадлежать физическому ряду (такъ какъ для идеалистической гносеологіи представленіе мозгового процесса и будетъ тѣмъ, что наивный реализмъ называетъ „мозговымъ процессомъ"). Если мы

---

[1]) Надо отмѣтить, что въ то время, какъ Паульсенъ и Геймансъ настойчиво стоятъ за параллелизмъ, Эббингаузъ противъ термина „параллелизмъ", такъ какъ его теорія исчерпывается отрицаніемъ взаимодѣйствія. „Двойственность *обнаруженія*—дѣйствительна, говоритъ онъ (Grundzüge der Psychologie S. 47),—и *только въ этомъ* смыслѣ можно говорить о параллелизмѣ.

говоримъ о *представленіи* мозгового процесса, мы говоримъ о психическомъ явленіи,—а если говоримъ о представленіи *мозгового процесса*—то дѣло идетъ о мозговомъ процессѣ. Въ дѣйствительности былъ актъ *единый*,—но у насъ онъ разбивается на два ряда въ зависимости отъ того, отвлекаемся ли мы отъ содержанія или отъ субъекта—и становится то психическимъ, то физическимъ. Параллелизмъ существуетъ, такимъ образомъ, между *явленіемъ* (поскольку дѣло идетъ о содержаніи) и представленіемъ этого явленія (поскольку дѣло идетъ о самомъ актѣ представленія (Das Vorstellen). Теперь ясно, что Геймансъ прошелъ *мимо* психофизической проблемы, такъ какъ параллелизмъ долженъ существовать между мозговымъ процессомъ у С и психическимъ актомъ у *того же* С [1]).

Геймансъ, пытаясь представить параллелистическую конструкцію, сталъ говорить совсѣмъ не о ней,—а объ извѣстномъ гносеологическомъ фактѣ, который такъ хорошо формулировалъ Вундтъ, говоря, что одинъ и тотъ же опытъ (въ составъ котораго, по терминологіи Вундта, входятъ „объекты представленія“) разбивается на двѣ сферы опыта лишь потому, что у насъ возникаютъ гипотезы субъекта и объекта, по отношенію къ которымъ одинъ и тотъ же отрывокъ опыта разбивается на міръ внутренній и внѣшній. Самъ Вундтъ изъ этого, какъ и Геймансъ, постулировалъ необходимость параллелизма, причемъ (въ Системѣ философіи) онъ считаетъ неизбѣжнымъ признаніе параллелизма при признаніи его теоріи познанія (Syst. d. Phil. 601, рус. пер. 374). Ошибка здѣсь ясна. При обсужденіи психофизической проблемы дѣло идетъ *не объ одномъ и томъ же опытѣ*, который представляется то какъ внѣшній, то какъ внутренній. Наоборотъ, то, что является внѣшнимъ опытомъ по отношенію къ душевнымъ процессамъ, есть нервный процессъ, *никогда не могущій быть воспринятымъ тѣмъ же субъектомъ*, который переживаетъ душевные процессы, параллельные этимъ нервнымъ

---

[1]) Busse, 149. Ошибка Гейманса въ томъ, что онъ на мѣсто параллелизма между какимъ нибудь представленіемъ у меня и тѣмъ внѣшнимъ воспріятіемъ этого представленія, которое для другого представится какъ мозговой процессъ, говоритъ о томъ, что мое представленіе, взятое со стороны субъекта, есть психическое явленіе,—взятое же со стороны содержанія—физическое явленіе. Такимъ образомъ, здѣсь констатируется фактъ гносеологической двойственности нашихъ переживаній, а не фактъ параллелизма представленія и мозгового процесса, какъ внѣшняго обнаруженія его.

явленіямъ. Да если бы даже онъ и воспринималъ свои нервные процессы, то это, какъ справедливо указываетъ Буссе (152), будутъ уже другіе душевные процессы. Положимъ я переживаю психическій процессъ *a*; это *a*, будучи мной воспринято при помощи внѣшнихъ чувствъ, будетъ нервнымъ процессомъ *a'*; мое воспріятіе нервнаго процесса (*a'*) не будетъ, конечно, *одновременнымъ* съ *a* (См. подробнѣе объ этомъ у Буссе 152) и потому будетъ уже *новымъ* представленіемъ, *новымъ* переживаніемъ. Психофизическая проблема и состоитъ въ опредѣленіи отношеній этихъ *двухъ* (въ данномъ случаѣ послѣдовательныхъ) опытовъ.

Ближе касаться идеалистическихъ конструкцій и ихъ трудностей я, въ виду условій мѣста, не буду и отсылаю интересующихся къ Буссе (146—162).

Что психофизическая проблема совсѣмъ не можетъ быть понята такъ, какъ ее понялъ Геймансъ и кое гдѣ въ своихъ работахъ Вундтъ, это прекрасно сознали Паульсенъ и Эббингаузъ. Они сознали, что дѣло идетъ не о разложеніи одного и того же явленія на два ряда съ точки зрѣнія субъекта и объекта,—что дѣло идетъ о *двухъ опытахъ*, и на этомъ они и основываютъ свой *гносеологическій* аргументъ въ защиту параллелизма.

Мы видѣли, что о параллелизмѣ *процессовъ* нервныхъ и душевныхъ возможно говорить, только стоя на реалистической точкѣ зрѣнія; съ идеалистической же точки зрѣнія можно говорить, какъ мы уже указывали, о *параллелизмѣ воспріятія*. Паульсенъ и Эббингаузъ исходятъ въ своей защитѣ такого пониманія параллелизма изъ того факта, что „одновременно никогда не могутъ быть констатированы реальности внутренняго міра и реальности—мозгъ и нервная система“ [1]. То же говоритъ и Паульсенъ. Въ черепѣ какого нибудь животнаго, увеличенномъ до размѣровъ мельницы можно было бы увидать рядъ физическихъ процессовъ; психическихъ процессовъ, мыслей видно не было бы. Да представленія и не могутъ быть предметомъ наблюденія [2]).

Чтобы оцѣнить значеніе этого аргумента, мы постараемся изъ него извлечь выводы.—Констатируя тотъ фактъ, что какъ бы ни смотрѣть на нашъ мозгъ, но въ немъ мы всегда будемъ наблюдать

---

[1]) Grundzüge der Psychologie. S. 3.

[2]) Einleitung in die Philosophie 5. Auf. S. 87, 88.

только физіологическіе процессы, мы констатируемъ то, что способъ и путь изученія такъ называемаго „внѣшняго міра“ иной, чѣмъ „внутренняго міра“,—такъ какъ „увидѣны“, „услышаны“ могутъ быть только реальности внѣшняго міра (Вундтъ излагаетъ это какъ фактъ, что при установленіи причинной связи въ матеріальныхъ процессахъ мы идемъ не тѣмъ путемъ, какъ при установленіи психической причинности; см. объ этомъ ниже). Изъ этого факта дѣлаютъ выводъ, что взаимодѣйствіе между двумя рядами, которые познаются такъ, что констатируя одинъ рядъ мы не констатируемъ другого,—невозможно. Однако ясно, что изъ этого факта, который безъ сомнѣнія правильно констатированъ, *вовсе не слѣдуетъ*, что физическій рядъ *можетъ* быть познанъ per se,—и непрерывность физическаго ряда, необходимая для этого, есть только *гипотеза*. Да если бы мы и признали независимость обоихъ рядовъ и говорили о параллелизмѣ воспріятія нервныхъ и душевныхъ процессовъ, то мы все таки не рѣшили бы психофизической проблемы, которая состоитъ въ томъ, что душа *связана* съ тѣломъ.

Реалистическій параллелизмъ процессовъ объясняетъ *связь* души и тѣла, такъ какъ соотвѣтственно матеріальной индивидуальности, соотвѣтственно матеріальному *организму*, на психической сторонѣ мы имѣемъ *душу*, психическую индивидуальность. При параллелизмѣ процессовъ воспріятія обоихъ рядовъ дѣло идетъ лишь о замкнутыхъ причинныхъ рядахъ, а *связь* души и тѣла совершенно не объясняется. Поэтому въ указанной формѣ параллелизма констатируется лишь *гносеологическое* положеніе о независимости рядовъ, но психофизическая проблема, вопросъ о *связи* души и тѣла не рѣшается.

Если при реалистическомъ параллелизмѣ нервные и психическіе процессы текутъ параллельно, то самый фактъ связи наглядно констатируется образомъ параллельныхъ линій, которыя все время находятся въ *одной плоскости*. При томъ же параллелизмѣ, который исчерпывается констатированіемъ независимости причинныхъ рядовъ, эти линіи (символически рисующіе эмпирическіе процессы) *могутъ находиться въ разныхъ плоскостяхъ*,—и эмпирическій фактъ неизмѣнной связи данной души съ даннымъ тѣломъ остается безъ истолкованія.

У Паульсена анализированный идеалистическій параллелизмъ усложняется тѣмъ *метафизическимъ* аргументомъ, что внѣшній міръ

(mundus sensibilis) есть лишь *явленіе*,—воспріятіе міра реальнаго (mundus intelligibilis). По Паульсену mundus sensibilis = mundus intelligibilis [1]). Но этотъ аргументъ имѣетъ лишь силу для сторонниковъ метафизики Паульсена; и стоя даже на его точкѣ зрѣнія, можно не признавать, что mundus sensibilis = mundus intelligibilis, можно думать, что „дѣйствительность сама по себѣ“ *можетъ* лишь частично становиться констатируемой при помощи внѣшнихъ чувствъ, т. е. частично становиться явленіемъ и потому этотъ рядъ явленій, фрагментарныхъ по существу можетъ быть въ такомъ (*логически допустимомъ*) случаѣ и не объясненъ per se. Придется тогда постулировать на мѣсто отсутствующихъ въ причинномъ ряду звеньевъ тѣ реальные процессы, которые почему нибудь не могутъ быть нами восприняты, т. е. не могутъ стать явленіями. Логически противорѣчиваго въ такой концепціи нѣтъ ничего,—и факты также ей нисколько не противорѣчатъ, такъ какъ вѣдь еще никто не *установилъ* какъ факта, что причинная цѣпь физіологическихъ процессовъ въ нервной системѣ непрерывна [2])! Поэтому, если Паульсенъ и Геймансъ, желая объяснить фактъ связи души и тѣла, признаютъ душу „дѣйствительностью самой по себѣ“, которая феноменально является какъ тѣло, и изъ этого дѣлаютъ выводъ, что физическій рядъ непрерывенъ,—то ясно, что этотъ выводъ былъ бы неизбѣженъ, если бы было доказано равенство mundus sensibilis = mundus intelligibilis. Такъ какъ доказать этого, конечно, нельзя, то очевидно, что метафизическій аргументъ Паульсена самъ опирается на гипотезу непрерывности, замкнутости физическаго ряда. Иными словами,—предпосылка замкнутой причинной цѣпи физическаго ряда и метафизическое положеніе, признающее, что все, что происходитъ реально, можетъ происходить и феноменально,—оба этихъ аргумента имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ, т. е. являются *однимъ аргументомъ*.

Признавать матеріальные процессы только „явленіями“, имѣющими въ основѣ реальные процессы психическаго характера, и при-

---

[1]) Noch ein Wort zur Theorie des Parallelismus 1. (Цит. по Busse 168—9).

[2]) Къ сожалѣнію, многіе, даже крупные мыслители и ученые не проводятъ должнаго различія между фактическимъ и гипотетическимъ матеріаломъ въ психофизической проблемѣ. Таковъ Вундтъ (Phil. Stud. X. 34), Іодль (см. Busse, 185).

знавать, что *всѣ реальные процессы* могутъ быть восприняты, т. е. быть въ то же время матеріальными явленіями,—не значитъ ли это признавать въ то же время, что, устанавливая причинную связь матеріальныхъ процессовъ, мы получимъ непрерывную цѣпь, такъ какъ всѣ реальныя звенья выражены соотвѣтственными имъ „явленіями"? Вѣдь если бы какое нибудь реальное звено не было представлено матеріальнымъ явленіемъ, то непрерывной причинной связи установить мы не могли бы. Такимъ образомъ ясно, что, признавая возможность всякаго реальнаго процесса существовать въ то же время какъ матеріальное явленіе, мы въ сущности иными только словами выражаемъ положеніе, что причинная связь матеріальныхъ процессовъ замкнута. Значеніе этого послѣдняго аргумента мы разберемъ нѣсколько ниже, а теперь для насъ важно установить, что и аргументъ гносеологическій (состоящій въ томъ, что изучая матеріальные процессы мы нигдѣ не наталкиваемся на душевные и наоборотъ) и метафизическій (что все, что происходитъ реально, происходитъ и феноменально—матеріально) могутъ имѣть значеніе при рѣшеніи психофизической проблемы лишь тогда, когда показана справедливость естественнонаучнаго аргумента, что причинная цѣпь матеріальныхъ процессовъ замкнута, такъ какъ это одинъ и тотъ же аргументъ, лишь выраженный различно.

Теперь для насъ ясно, насколько правъ Паульсенъ, утверждая, что всякій, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія гносеологическаго идеализма, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно приходитъ къ параллелизму [1]). Доказываетъ онъ это съ помощью указанія, что происходитъ реально, можетъ происходить и феноменально, т. е., какъ мы видѣли, съ помощью гипотезы замкнутой причинной связи. Иначе говоря, онъ доказываетъ связь идеализма съ параллелизмомъ съ помощью того, что нужно доказать,—и Буссе справедливо усматриваетъ въ этомъ petitio principii (Busse 166) [2]).

Признавъ, такимъ образомъ, единственно пріемлемой формой параллелизма реалистическую форму его, мы можемъ перейти къ обсужденію основныхъ аргументовъ въ пользу параллелистическаго

---

[1]) См. Busse 168.

[2]) Буссе (162—174) указываетъ даже, что съ точки зрѣнія идеализма гораздо естественнѣе притти къ теоріи взаимодѣйствія. Ср. также 183—208.

рѣшенія психофизической проблемы. Таковыми слѣдуетъ считать понятіе причинности и принципъ сохраненія энергіи. Оба они, какъ думаютъ противники теоріи взаимодѣйствія, съ неизбѣжностью приводятъ къ принятію независимаго теченія обоихъ рядовъ и къ отрицанію между ними причинной связи. Поэтому остановимся на нихъ.

Проблема причинности имѣетъ нѣсколько различныхъ рѣшеній и является спорной въ теоріи познанія до сихъ поръ; однако для насъ, интересующихся отношеніемъ этой проблемы къ рѣшенію психофизическихъ вопросовъ, незачѣмъ останавливаться на всѣхъ теоріяхъ причинности и входить въ обсужденіе ихъ; мы коснемся лишь тѣхъ теорій причинности, которыя оказали свое вліяніе на психофизику.

Прежде всего остановимся на теоріи причинности раціоналистовъ. Эта теорія причинности, основательно разрушенная Юмомъ, не исчезла однако въ иныхъ своихъ частяхъ, и потому она заслуживаетъ нашего вниманія. У раціоналистовъ, согласно ихъ общей теоріи познанія, причинныя связи отожествлялись съ логическими (causa sive ratio),—и вслѣдствіе этого у раціоналистовъ совершенно элиминировался элементъ времени. Однимъ изъ важныхъ слѣдствій раціональнаго пониманія причинныхъ связей было раздѣленіе причинныхъ связей на *имманентныя* и *переходящія* (causa immanens et causa transiens) [1]. Различіе между тѣми и другими состояло въ томъ, что всѣ измѣненія одной и той же пребывающей субстанціи суть имманентныя, тогда какъ дѣйствіе одной субстанціи на другую есть дѣйствіе *переходящее*. Какая причинная связь возможна съ логической точки зрѣнія? По мнѣнію раціоналистовъ только первая [2]. Субстанціи—это вещи, которыя независимы и не имѣютъ ничего общаго съ другими субстанціями; вещи же, которыя не имѣютъ ничего общаго, не могутъ быть поняты одна изъ другой [3].

---

[1]) Spinoza. Opera Vol. I Pars. I Prop. XVI. См. Koenig. Die Entwickelung des Causalproblems B. I. S. 84. Kuno-Fischer. Geschichte d. n. Philos. B. II. S. 354.

[2]) Отсюда и дѣлался выводъ—субстанція можетъ быть только одна. Таковъ смыслъ монизма Спинозы. Ср. Wartenberg. Problem des Wirkens S. 18. Anm.

[3]) Spinoza Ethica Pars. I Axiom. V.

Если же пониманіе такихъ причинныхъ связей между субстанціями невозможно, то стало быть такихъ связей и не можетъ быть (согласно общей предпосылкѣ раціонализма, что неистинное недѣйствительно),—возможны поэтому только имманентныя причинныя связи. Выражая другими словами эту теорію причинности,—вещи, чтобы быть причинно связанными, должны быть хоть въ чемъ нибудь *однородны*—неоднородныя, несравнимыя явленія, въ силу *логическихъ условій установленія причинныхъ связей*—не могутъ обусловливать другъ друга. Такъ какъ душа и тѣло несравнимы между собой, такъ какъ между непротяженной, нематеріальной душой и протяженной матеріей нѣтъ ничего общаго, то, очевидно, матерія и духъ, душа и тѣло не могутъ стоять въ причинной связи. Въ силу этого *логическій анализъ условій причинныхъ связей приводилъ раціоналистовъ съ неизбѣжностью къ параллелизму.*

Намъ незачѣмъ напоминать критику Юма, направленную противъ раціоналистической теоріи причинности. Достаточно припомнить, что главнымъ результатомъ Юмовской критики было уничтоженіе основной формулы раціонализма—causa sive ratio. Въ силу этого дѣленіе причинныхъ связей на имманентныя и на трансцендентныя пало само собой. Причинно-связанными явленіями оказываются по Юму явленія, которыя, согласно указаніямъ опыта, съ эмпирическимъ постоянствомъ слѣдуютъ одно за другимъ.

Кантовская разработка теоріи причинности касалась вопроса о происхожденіи и гносеологической цѣнности понятія причинности и нисколько не повліяла на вопросъ о необходимости однородности причины и дѣйствія, такъ что этотъ аргументъ окончательно потерялъ значеніе для современныхъ мыслителей. Однако, оно все таки возрождается подъ другой формой. Вундтъ, аргументируя въ пользу параллелизма [1]) указываетъ на *различіе логическихъ процессовъ при установленіи причинныхъ связей* въ естествознаніи и психологіи. Мы не будемъ сейчасъ касаться ближе характера этого различія, такъ какъ нѣсколько дальше мы еще вернемся къ нему. Отмѣтимъ, однако, что въ этомъ аргументѣ противъ возможности причинныхъ связей между матеріальными и психическими процессами звучитъ старая раціоналистическая мысль о необходимости однородности въ причинныхъ соотношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ. Пусть мы имѣемъ

[1]) Вундтъ. Очеркъ Психологіи. Пер. Паперна, стр. 212.

психическій процессъ *a* и матеріальный процессъ *b*, отношеніе которыхъ мы привыкли считать причиннымъ. Это невозможно съ указанной точки зрѣнія Вундта потому, что, устанавливая связь между матеріальнымъ процессомъ *b* и его предполагаемой причиной, мы употребляемъ такой логическій пріемъ, который примѣнимъ лишь къ матеріальному же процессу, какъ причинѣ *b*. У насъ же предыдущій членъ—психическій процессъ *a*—можетъ войти въ причинную связь при употребленіи другого логическаго процесса. Идя, такимъ образомъ, отъ *a* къ *b*, мы должны вмѣсто *b* поставить какой нибудь психическій процессъ, а идя отъ *b* къ *a*, мы вмѣсто *a* должны поставить какой нибудь матеріальный процессъ,—т. е. и въ томъ и другомъ случаѣ звенья причинной цѣпи должны быть *однородны* по характеру тѣхъ логическихъ процессовъ, съ помощью которыхъ они включаются въ причинную цѣпь [1]). Не входя въ анализъ такого требованія, укажемъ на его непримѣнимость къ психофизическимъ фактамъ,—такъ какъ съ точки зрѣнія развитой выше теоріи совершенно невозможно установить *никакого отношенія* между психическимъ и физическимъ. Не только констатированіе причинныхъ связей въ естествознаніи и психологіи, но даже и констатированіе *наличности* внутренняго и внѣшняго міра обязано различнымъ логическимъ процессамъ,—и потому логически прямо невозможнымъ представляется для Вундта констатировать самую *связь* физическаго и психическаго,—невозможно и приступить къ истолкованію этой связи. Этимъ сама собой разрушается сила Вундтовскаго аргумента.

Теорія причинности, какъ ее понимаютъ современные мыслители, не препятствуетъ признанію психофизической причинности; но есть попытка такого истолкованія причинныхъ связей въ естествознаніи, которое рѣшительно противится этому. Мы говоримъ о приравниваніи причинныхъ связей въ естествознаніи уравненіямъ энергіи. При признаніи этого двумя путями отрицаютъ психофизическую причинность: 1) указаніемъ на различіе логическихъ процессовъ при установленіи естественно-научной и психической причинной цѣпи и 2) признаніемъ замкнутой причинной цѣпи. Первый путь, какъ мы только что видѣли, приводитъ къ нелѣпости; что же касается второго, то прежде чѣмъ перейти къ нему,

[1]) Отсюда Вундтъ и приходитъ къ признанію невозможности психофизической причинности.

остановимся на изложеніи теоріи равенства причинныхъ связей въ естествознаніи съ уравненіями энергіи. При настоящемъ изложеніи мы будемъ исходить изъ статьи В. Вундта въ Philos. Studien B. X,— такъ какъ у него единственно мы находимъ полное проведеніе этой точки зрѣнія.

Вундтъ, какъ извѣстно, является сторонникомъ т. наз. актуальнаго пониманія причинныхъ связей, которыя имъ мыслятся не между вещами, не между субстанціями; причинно связанными являются *процессы*. Большимъ достоинствомъ актуальной теоріи причинности, по мнѣнію Вундта, является то, что она даетъ возможность разрѣшить надлежащимъ образомъ конфликтъ между понятіями *причины* и *условій* (s. 7—8), такъ какъ на мѣсто *качественной* связи между причиной и дѣйствіемъ, при которой причины нельзя выдѣлить изъ ряда условій,—она устанавливаетъ *количественную* связь, *уравненіе причинности*. То изъ условій, которое связано съ дѣйствіемъ въ уравненіи причинности, и есть причина.

Такимъ образомъ, надлежащее установленіе причинныхъ связей въ естествознаніи возможно *лишь при установленіи причинныхъ уравненій*, тогда какъ въ области психической причинности такія уравненія причинности немыслимы,—да и не нужны: въ области психологіи причинная связь не *устанавливается*, а непосредственно переживается. Въ *этомъ и состоитъ ранѣе указанное нами различіе процессовъ мысли* при установленіи причинныхъ связей въ психологіи и естествознаніи.

Какъ же естествознаніе осуществляетъ логическое требованіе установленія причинныхъ уравненій? Приведемъ на этотъ вопросъ отвѣтъ, данный Вундтомъ.—Уравненія механики и механической физики бываютъ двухъ родовъ—уравненія опредѣленія (Definitionsgleichungen) и причинныя уравненія. Первыя уравненія связываютъ равенствомъ двѣ формулы, различно выражающія одно и то же явленіе,—и понятно, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о „причинѣ“ [1]; во вторыхъ же уравненіяхъ дѣло идетъ о *двухъ* качественно различныхъ явленіяхъ, связанныхъ между собой количественнымъ равенствомъ (13). Причинныя уравненія разбиваются въ свою очередь на *уравненія силъ* (область примѣненія которыхъ—механическіе процессы) и *уравненія энергіи*, „которыя предполагаютъ только эквп-

[1]) Phil. Stud. X. 12.

валентность процессовъ, причемъ безразлично, могутъ ли быть сведены эквивалентныя величины на однородныя понятія" (14).—Уравненія энергіи могутъ выступать въ формѣ: 1) *уравненій состоянія*, при которыхъ два процесса могутъ быть отдѣлены промежуткомъ времени и при которыхъ болѣе поздній процессъ будетъ „дѣйствіемъ" и 2) *уравненій превращенія*, при которыхъ на лицо непосредственный переходъ одной формы энергіи въ другую [1]).

Но „уравненія силъ и уравненія превращенія *могутъ служить* для установленія причинныхъ связей естественныхъ процессовъ (Naturerscheinungen) *только* въ случаѣ признанія положенія, что физическая причинность образуетъ вполнѣ замкнутую область процессовъ" (28). Это ясно изъ того, что въ уравненіяхъ силъ мы имѣемъ дѣло то съ ускореніями, то съ массами; въ уравненіяхъ превращенія дѣло идетъ о томъ же, такъ какъ безспоренъ фактъ возможности выражать каждую форму энергіи посредствомъ уравненій, присущихъ механическимъ силамъ [2]). (Иначе говоря—принципъ замкнутой причинной связи естественныхъ явленій правиленъ, если правильно механическое толкованіе природы).—Немного сложнѣе обстоитъ дѣло съ уравненіями состоянія: ихъ примѣненіе не включаетъ въ себя принципа замкнутой причинной цѣпи физическихъ явленій (30). Можно предположить, что камень поднятъ на высоту h и на ней неопредѣленное время держится какимъ то чудомъ, а затѣмъ падаетъ. Однако, невозможность вмѣшательства „чуда" или же психическихъ факторовъ вытекаетъ изъ того, что оба эти фактора не могутъ создавать новыхъ энергій, потребныхъ для упомянутаго вмѣшательства (допускаемаго, однако, уравненіемъ состоянія).

Противъ возможности созданія новыхъ формъ энергіи возстаетъ принципъ сохраненія энергіи [3]). Почему, однако, можно аппеллиро-

[1]) Получается слѣдующая система уравненій: уравненія опредѣленія (Definitionsgleichungen), причинныя уравненія

Уравненія силъ	Уравненія энергіи
Уравненія состоянія	Уравненія превращенія.

[2]) Фактъ этотъ, выражаемый какъ принципъ эквивалентности, опытно былъ установленъ Джаулемъ и Гирномъ.

[3]) Отсюда и дѣлали заключеніе, что замкнутость естественной причинности вытекаетъ изъ принципа сохраненія энергіи, но Вундтъ считаетъ это

вать къ принципу сохраненія энергіи? Вундтъ соглашается, что принципъ сохраненія энергіи (см. объ этомъ подробнѣе ниже) есть гипотетическое обобщеніе, опирающееся на гипотезы, въ опытѣ не оправдывающіяся, — и потому, чтобы *доказать* справедливость невозможности вмѣшательства психическихъ факторовъ при уравненіяхъ состоянія (напомнимъ, что при уравненіяхъ силы и превращенія мы, прилагая ихъ, опираемся на предпосылку замкнутой причинной цѣпи естественныхъ явленій), — Вундтъ не опирается на принципъ сохраненія энергіи, а указываетъ на „невозможность чуда 1-го и 2-го рода". Что это за чудеса, мы сейчасъ увидимъ, а пока выдѣлимъ логическій составъ аргументаціи Вундта. Если ему удастся доказать, что „чудеса" невозможны, то этимъ онъ *докажетъ* правильность (въ предѣлахъ естествознанія) принципа замкнутой естественной причинности, такъ какъ чудомъ онъ называетъ (33) возникновеніе естественныхъ явленій такимъ образомъ, что оно не можетъ быть сведено къ уравненіямъ силъ или превращенія. Если приходится признать, что такое чудо невозможно, что, наоборотъ, *можно* свести все къ уравненіямъ силы и превращенія, то тѣмъ самымъ будетъ доказана состоятельность принципа замкнутой естественной причинности (такъ какъ только въ такомъ случаѣ возможно примѣненіе указанныхъ принциповъ).

Чудомъ перваго рода Вундтъ называетъ созданіе матеріи и энергіи изъ ничего или же уничтоженіе ея. Это чудо невозможно, такъ какъ между каждымъ состояніемъ ограниченной матеріальной системы и ея любымъ состояніемъ передъ тѣмъ *можно* установить уравненіе состоянія. Второе чудо мы имѣемъ, если воля или представленіе человѣка могутъ двинуть руку. Но, устанавливая между двумя состояніями руки (покоя и движенія) уравненіе состоянія, мы должны признать рядъ переходныхъ состояній, которыя между собой будутъ связаны уравненіями силъ и превращеній. Такимъ образомъ, мы примѣняемъ здѣсь уравненія, имѣющія значеніе лишь при замкнутости естественной причинности, — а, слѣдовательно, ея состоятельность (= невозможность чуда второго рода) показана.

неправильнымъ, такъ какъ по Вундту принципъ сохраненія энергіи есть гипотетическое обобщеніе, покоющееся на предложеніяхъ, *однородныхъ* съ принципомъ замкнутой естественной причинности (Syst. d. Phil. 488, рус. пер. 304. См. также Phil. Stud. X 31).

Резюмируя вкратцѣ аргументацію Вундта, мы видимъ, что преобразовывая понятіе причины для цѣлей естествознанія въ понятіе причинныхъ уравненій и показывая, что примѣненіе этихъ уравненій причинности возможно лишь при принципѣ замкнутой естественной причинности,—Вундтъ, повидимому, доказалъ невозможность психофизической причинности. Однако, его petitio principii очевидно. Обратимъ вниманіе на доказательство невозможности чуда перваго рода (т. к. если невозможно чудо перваго рода, т. е. невозможно созданіе энергіи, если между двумя состояніями *всегда* возможны уравненія состоянія, то изъ этого съ неизбѣжностью вытекаетъ выводъ, что невозможно и второе чудо—т. е. необходимо разлагать переводъ системы изъ одного состоянія въ другое на уравненія силъ или превращенія). Сказать, что созданіе энергіи или уничтоженіе (поглощеніе ея) невозможно и сказать, что между каждымъ состояніемъ системы (относительно котораго мы изслѣдуемъ, не стоитъ ли оно въ связи съ какимъ нибудь психическимъ факторомъ, вносящимъ новое количество энергіи) и ея предыдущимъ состояніемъ *можно* установить уравненіе состоянія,—это значитъ сказать одно и то же. Если установленіе этого уравненія возможно, то это заставило бы признать невозможнымъ созданіе новой энергіи, такъ какъ это созданіе новой энергіи не могло бы быть выражено уравненіемъ. Но гдѣ же доказательство того, что установленіе уравненій состоянія *всегда* возможно? Доказательства этого нѣтъ,—мы находимъ только голословное положеніе. Его правильность не очевидна: она очевидна только въ томъ случаѣ, если доказано, что новая энергія не можетъ возникать. Но тутъ получается idem per idem. Невозможность созданія новой энергіи доказывается тѣмъ, что всегда возможны уравненія состоянія въ анализируемомъ примѣрѣ,—а эти уравненія возможны, потому, что... созданіе новой энергіи невозможно!.. То, что нужно доказать, напередъ здѣсь принимается. Такимъ образомъ, мы вправѣ сказать, что Вундту не удалось доказать невозможность чуда перваго рода,—а слѣдовательно и невозможность второго чуда...

Итакъ,—требованія логики устанавливать причинныя уравненія не могутъ быть всегда оправданы и опираются на принципъ замкнутой естественной причинности. Признавать же его—значитъ однимъ взмахомъ пера уничтожить самую проблему взаимодѣй-

ствія,—которая въ томъ и состоитъ—замкнута или не замкнута естественная причинность [1])?

Подведемъ теперь итоги всему сказанному о теоріи причинности при освѣщеніи психофизической проблемы.—Раціоналистическая теорія причинности, принимавшая необходимость *однородности* причинно связываемыхъ процессовъ, не имѣла никакого отношенія къ опыту, тогда какъ критическое понятіе опыта устраняетъ возможность говорить объ однородности процессовъ, какъ они протекаютъ реально; теорія опыта (какъ бы ее ни понимать—идеалистически или реалистически, эмпирически или апріорно)—устраняетъ необходимость „однородности" процессовъ. *Если процессы и однородны, они одинаково не понятны намъ, если намъ хочется понять, какъ это возможно реальное „причиненіе"*, если мы хотимъ понять, какъ это одинъ процессъ *вызываетъ* другой. Если же мы откажемся отъ реалистическаго трактованія причинности и будемъ видѣть въ ней категорію, привносимую нами въ опытъ, —то и тутъ однородность или неоднородность процессовъ не играютъ никакой роли. *Поэтому психофизическая причинность съ точки зрѣнія логики возможна.*

Если принимать, что психофизическая причинность невозможна въ силу несравнимости логическихъ операцій при включеніи въ причинную цѣпь матеріальныхъ и духовныхъ процессовъ, то въ такомъ случаѣ, какъ мы видѣли, немыслимо то, что, однако, является фактомъ—именно связь душевныхъ и матеріальныхъ процессовъ (какъ бы ни понималась ихъ природа—см. цитату изъ Шуппе въ началѣ статьи).—Наконецъ, если вмѣстѣ съ Вундтомъ, Іодлемъ, Мюнстербергомъ и Кёнигомъ говорить, что психофизическая причинность излишня, такъ какъ физическій причинный рядъ замкнутъ,—то это положеніе, которое вытекаетъ изъ требованія логики (у Вундта)—установить для матеріальныхъ процессовъ причинную эквивалентность,—покоится, какъ мы видѣли, на petitio principii, къ болѣе детальному раскрытію котораго мы сейчасъ и перейдемъ. Такимъ образомъ, при современномъ состояніи психофизической

---

[1]) Ср. Буссе 396.

проблемы нѣтъ основаній отрицать логическую возможность психофизической причинности [1]).

Принципъ замкнутой естественной причинности могъ бы быть доказанъ Вундтомъ, если бы имъ была доказана невозможность чуда 1-го и 2-го рода. Но этого, какъ мы видѣли, мы не имѣемъ. Обыкновенно же принципа замкнутой естественной причинности придерживаются въ силу такихъ основаній (ср. Philos. Stud. X. 38). Опытъ естественнонаучный состоитъ въ установленіи причинныхъ связей между матеріальными процессами; до сихъ поръ это удавалось. У насъ нѣтъ никакого основанія думать, что могутъ существовать факты, которые противорѣчатъ принятымъ принципамъ (т. е. факты психофизическаго взаимодѣйствія).—Разумѣется, что никто не можетъ отнять у естественныхъ наукъ права обобщать данныя опыта, но, какъ справедливо говоритъ по этому поводу Буссе, „философія вовсе не обязана склоняться передъ всѣми гипотезами, аксіомами, эвристическими и регулятивными принципами, догматами, убѣжденіями и любимыми представленіями, которые выставляются *во имя* естествознанія“. И если принципъ замкнутой естественной причинности раздѣляется большинствомъ естествоиспытателей, –то можно только сказать, что *желательно* было бы такое рѣшеніе психофизической проблемы, которое не противорѣчило бы этому принципу,—но аргументировать съ помощью указаннаго принципа нельзя. Этого можно желать, къ этому можно стремиться, но основывать на этомъ свои доказательства нельзя!—Укажемъ, что, по справедливому замѣчанію Вундта (Syst. d. Phil. 489, рус. пер. 304), вселенная есть не *опытный факт*ъ, а *идея*. Всякія утвержденія,—подобныя принципу замкнутой естественной причинности,—касающіяся *всей* природы, по существу *метафизичны*. Поэтому для отрицающихъ метафизику тѣмъ самымъ отпадаетъ возможность пользоваться указаннымъ аргументомъ. Нельзя также говорить, какъ это дѣлаетъ Вундтъ (P. St. X 38), что онъ, признавая принципъ замкнутой естественной причинности, потому именно и признаетъ принципъ *эмпирическаго* параллелизма. Здѣсь очевидное недоразумѣніе.

[1]) Ср. Rickert. Psychophysische Causalität und Psychophysischer Parallelismus S. 86 (Philosophische Abhandlungen Sigwart gewidmet).

Такъ какъ принципъ замкнутой естественной причинности *негоденъ, какъ аргументъ*, то противники теоріи взаимодѣйствія пользуются еще другимъ аргументомъ—о несоединимости принципа сохраненія энергіи съ теоріей взаимодѣйствія. Чтобы указать, почему принципъ сохраненія энергіи служитъ противъ теоріи психофизической причинности, мы вмѣстѣ съ Вундтомъ и Буссе будемъ различать въ немъ два принципа—принципъ *эквивалентности* и принципъ *постоянства*. Легко видѣть, что эти два принципа—не одно и то же по своему существу: принципъ эквивалентности обоснованъ опытно и можетъ быть формулированъ такъ: всѣ извѣстныя намъ въ природѣ формы энергіи могутъ переходить одна въ другую въ эквивалентныхъ количествахъ такъ, что при всѣхъ превращеніяхъ извѣстныхъ намъ формъ энергіи изъ одной въ другую остается постояннымъ факторъ,—способность переходить въ механическую работу. Компетенція этого принципа ясно указывается его опытнымъ происхожденіемъ: если онъ и говоритъ о количественномъ постоянствѣ указаннаго фактора, то постолько, поскольку дѣло идетъ о превращеніи одной извѣстной намъ формы энергіи въ другую извѣстную намъ форму. Но если вопросъ касается созданія какимъ нибудь новымъ путемъ энергіи или же поглощенія энергіи какой нибудь неизвѣстной намъ сферой бытія,—то принципъ эквивалентности теряетъ свою компетенцію. Иное содержаніе включаетъ въ себя принципъ постоянства энергіи—онъ говоритъ о томъ, что количество всей энергіи, извѣстной намъ въ различныхъ ея проявленіяхъ, остается неизмѣннымъ. Изъ этого принципа слѣдуетъ, что при переходѣ одной формы въ другую энергія не пропадаетъ, что превращенія эти должны быть эквивалентны. Такимъ образомъ, принципъ постоянства включаетъ въ себя принципъ эквивалентности, но не наоборотъ.

Ясно, что принципъ эквивалентности не противорѣчитъ возможности психофизической причинности. Будемъ разсматривать вліяніе психики на нервные процессы какъ фактъ новообразованія энергіи, и вліяніе нервныхъ процессовъ на психику какъ уничтоженіе энергіи, возьмемъ такую рѣзкую формулировку психофизической причинности (объ этомъ см. ниже) и посмотримъ, что противъ такой конструкціи можетъ сказать принципъ эквивалентности? Мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ раньше, когда излагали этотъ принципъ и указывали на его компетенцію. Добавимъ кстати, что фор-

мулировка принципа эквивалентности, какъ принципа количественнаго постоянства фактора—способность переходить въ механическую работу—правильно, если прибавляютъ „при извѣстныхъ въ опытѣ превращеніяхъ одной извѣстной намъ энергіи въ другую". Безъ этой же прибавки указанная формулировка содержитъ въ себѣ принципъ постоянства, а не опытный фактъ, а потому при обсужденіи вопроса о связи принципа эквивалентности съ психофизической причинностью не имѣетъ никакого значенія.

Перейдемъ теперь къ принципу постоянства. Какова его компетенція? Какъ извѣстно изъ механики, этотъ принципъ *доказанъ* строго математически для случая замкнутой („консервативной") матеріальной системы, на которую не дѣйствуютъ никакія внѣшнія силы. Согласно 3-му закону Ньютона, физика имѣетъ всегда дѣло съ фактами матеріальнаго взаимодѣйствія: всякое движеніе одного тѣла предполагаетъ, по этому закону, движеніе другого тѣла, всякое дѣйствіе есть въ то же время противодѣйствіе. Разумѣется, что при принятіи 3-го закона Ньютона, какъ безусловнаго начала не только для неорганической природы, но и для всей природы,—матеріальная природа разсматривается, какъ замкнутое цѣлое, какъ консервативная система. И въ такомъ случаѣ законъ постоянства энергіи, будучи доказанъ для консервативной системы вообще,—имѣетъ значеніе для всей природы. Но это, повторяемъ, правильно только въ случаѣ признанія всей природы консервативной системой, при признаніи безусловнаго значенія 3-го закона Ньютона,—т. е. при предположеніи, что во всякомъ измѣненіи въ матеріальной системѣ мы всегда имѣемъ случай матеріальнаго взаимодѣйствія, при признаніи,—что всякое движущееся тѣло предполагаетъ непремѣнно другое тѣло. Но ясно, что придавать безусловное значеніе этому предположенію можно лишь при признаніи замкнутой естественной причинности,—а цѣнность этого предположенія, какъ аргумента, ничтожна. Мы знаемъ, что *доказать* замкнутость естественной причинности нельзя, что она, по прекрасному выраженію Паульсена, является лишь „аналогіей опыта". Мы видѣли, что въ силу этого пользоваться указаннымъ аргументомъ при обсужденіи вопроса, замкнута или незамкнута естественная причинность, нельзя,—а потому и пользоваться принципомъ постоянства энергіи, какъ аргументомъ противъ теоріи психофизической причинности, *тоже нельзя.*

Это значило бы— предполагать то, что нужно доказать, считать найденнымъ то, что ищется...

Можно, конечно, желать найти такое разрѣшеніе психофизической проблемы, которое не шло бы въ разрѣзъ съ современными основами естествознанія.—но это можетъ служить лишь *мотивомъ философскаго творчества.* Пользоваться же принципомъ постоянства энергіи для защиты параллелизма рѣшительно невозможно!

На путь компромисса ступали многіе защитники теоріи взаимодѣйствія, желавшіе соединить съ признаніемъ психофизической причинности принципъ постоянства энергіи. Самымъ популярнымъ компромиссомъ являются теоріи, названныя Буссе Doppeleffekt и Doppelursachentheorie—теоріи двойной причины и двойного эффекта. Сущность этихъ теорій хорошо выражена въ рѣчи Штумфа [1]): „опредѣленный нервный процессъ въ опредѣленной области полушарій есть необходимое условіе для возникновенія опредѣленнаго ощущенія; это послѣднее является необходимымъ слѣдствіемъ *наряду съ физическимъ дѣйствіемъ*, вытекающимъ изъ той же причины. Возникновеніе ощущенія *не поглощаетъ, однако, никакой физической энергіи* и не можетъ быть выражено въ своемъ отношеніи къ условіямъ посредствомъ математическихъ понятій или законовъ. Равнымъ образомъ опредѣленный процессъ въ двигательныхъ нервахъ полушарій обусловленъ не только физіологическими процессами, но также и опредѣленными психическими состояніями, при чемъ, однако, количество физической энергіи благодаря этому не увеличивается". Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ теорію, въ силу которой физіологическій процессъ обусловливаетъ во 1) эквивалентно связанный съ нимъ другой процессъ и 2) психическій процессъ [2]). Эта связь психическаго процесса либо можетъ быть понята какъ *дѣйствіе* физіологическаго процесса,—либо можно говорить о закономѣрной, ближе не опредѣляемой связи психическихъ и физіологическихъ процессовъ. Но въ послѣднемъ случаѣ на мѣсто „взаимодѣйствія" мы имѣемъ чистѣйшій параллелизмъ и о психофизической причинности говорить здѣсь не приходится. Если дѣйствіе физіологическихъ процессовъ *исчерпывается* возникновеніемъ новаго физіологическаго процесса

---

[1]) Stumpf. Leib und Seele 26.

[2]) Приверженцами этой теоріи, кромѣ Штумфа, являются Ремке, Эргардтъ, Венчеръ, также Вундтъ (См. Busse 428), Кёнигъ, Гартманнъ.

(что это слѣдуетъ изъ Doppeleffekttheorie, мы это сейчасъ увидимъ),—то въ такомъ случаѣ психическій процессъ, возникающій параллельно новому физіологическому процессу, вовсе не будетъ причинно связанъ съ первымъ физіологическимъ процессомъ. Вѣдь если мы говоримъ, что какой нибудь матеріальный процессъ является причиной какого нибудь иного процесса, то мы всегда имѣемъ въ виду трату, переходъ энергіи. Трудно вѣдь представить, какъ это дѣлаетъ Ремке (Busse 431), чтобы одинъ разъ при причинной связи процессовъ *a* и *b* мы имѣли трату энергіи, а при причинной связи процессовъ *a* и *c* (c—психическій процессъ) этой траты не было. Какъ остроумно по этому поводу замѣчаетъ Буссе, пушки стрѣляютъ одинаково, направлены ли онѣ на людей или на воробьевъ; точно такъ же и нервныя клѣтки и волокна дѣйствуютъ одинаково,—вызываютъ ли они возбужденія другихъ нервныхъ клѣтокъ и волоконъ или же обусловливаютъ ощущенія и чувства. Приходится поэтому признать справедливымъ мнѣніе Зигварта (Busse 434)—что „способность дѣйствованія мозговой субстанціи уже истощилась въ созданіи эквивалентнаго физіологическаго явленія и поэтому она (мозговая субстанція) не можетъ уже болѣе создавать какого нибудь дѣйствія“. Такимъ образомъ эту попытку, посредствомъ Doppeleffekttheorie, сочетать психофизическую причинность съ принципомъ постоянства энергіи можно считать неудавшейся.—Doppelursachentheorie признаетъ, что физическое явленіе можетъ быть одновременно обусловлено какъ эквивалентной физической причиной, такъ и психической. Буссе указываетъ, что о *дѣйствіи* на тѣло можетъ итти рѣчь въ случаѣ приращенія энергіи. Какъ эквивалентный предыдущему физіологическому процессу новый физіологическій процессъ уже имѣетъ свою причину и считать второй его причиной предшествующій психическій процессъ только потому, что онъ предшествовалъ, было бы такъ же странно, какъ „если бы люди, которые жили въ то время, когда Колумбъ открылъ Америку, говорили, что имъ тоже принадлежитъ участіе въ этомъ открытіи“ [1]). Венчеру принадлежитъ попытка приравнять значеніе психическаго фактора процессу *разряженія* накопившейся энергіи, находящейся въ потенціальной формѣ. Однако, какъ справедливо указалъ Риль, это разряженіе состоитъ въ устраненіи препятствій,

[1]) Busse 435.

благодаря которымъ потенціальная энергія раньше не переходила въ кинетическую,—а это устраненіе требуетъ *затраты энергіи*. Одно время пользовалась вниманіемъ еще слѣдующая форма Doppelursachentheorie — считали, что психическому фактору принадлежитъ роль *измѣненія направленія* физическихъ процессовъ. Эббингаузъ указалъ, что всякое измѣненіе направленія, согласно законамъ механики, должно быть отнесено насчетъ какой нибудь новой слагающей,—т. е. и тутъ мы имѣемъ приростъ энергіи. Буссе вполнѣ соглашается съ этимъ аргументомъ, но намъ кажется, что тутъ нужно сдѣлать слѣдующую оговорку. Если смотрѣть на указанную форму Doppelursachentheorie какъ на компромиссъ между теоріей психофизической причинности и принципомъ постоянства энергіи,—то, конечно, она неудачна, такъ какъ, если есть приростъ энергіи, обусловленный психическимъ факторомъ, то нѣтъ постоянства энергіи. Но вѣдь, какъ было указано, принципъ постоянства—это гипотеза: поэтому противорѣчіе указаннаго взгляда не говоритъ ничего противъ его пріемлемости самого по себѣ. Во первыхъ, можно признавать возможность созданія новыхъ количествъ физической энергіи,—во вторыхъ,—видѣть въ новой слагающей, мѣняющей направленіе, новую энергію; истолковывать ее энергетически—необходимо лишь при признаніи замкнутой естественной причинности. Такъ какъ послѣдняя является только гипотезой, то *она не можетъ мѣшать истолковывать эту слагающую какъ психическій факторъ*,—съ той только оговоркой, что вліяніе ея на направленіе *таково*, какъ если бы вмѣсто этого психическаго фактора былъ механическій факторъ. Словомъ, при признаніи необходимости слагающей для измѣненія направленій, можно признавать эту слагающую, какъ психическимъ такъ и механическимъ факторомъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ –въ виду эквивалентности въ данныхъ обстоятельствахъ эффекта какъ психическаго, такъ и механическаго фактора,—будетъ приростъ энергіи,—и признаніе слагающей за психическій факторъ противорѣчитъ поэтому принципу постоянства, но, какъ форма односторонней психофизической причинности, приведенный видъ Doppelursachentheorie въ себѣ противорѣчія не имѣетъ.

Во всякомъ случаѣ приходится признать вмѣстѣ съ Буссе, что психофизическая причинность съ принципомъ постоянства энергіи *несоединима* (448, 450).—Однако, есть еще одна форма компромисса, логически вполнѣ возможная,—это признаніе психическаго бытія

за одну изъ формъ энергіи. На этотъ путь ступили слѣдующіе мыслители: Штумфъ, Гротъ, Кюльпе, Оствальдъ, Леддъ. Это ученіе о психическомъ несоединимо съ принципомъ постоянства энергіи лишь въ случаѣ механической конструкціи энергетическихъ процессовъ,—но опять таки аргументомъ это противорѣчіе служить не можетъ, такъ какъ механическое міровоззрѣніе есть гипотеза. Буссе справедливо прибавляетъ къ этому: „право механически истолковать энергетическіе процессы въ предѣлахъ физическаго ряда, нисколько не колеблется признаніемъ психофизическихъ превращеній энергіи“ (422). Буссе, какъ намъ кажется, справедливо считаетъ, однако, признаніе психическаго за одну изъ формъ энергіи несогласуемымъ съ фактами психологіи. Онъ указываетъ прежде всего, что при включеніи психическаго въ число энергій, невозможенъ установленный Вундтомъ принципъ *возрастанія психической энергіи*. Съ другой стороны, какъ остроумно показываетъ Буссе (S. 425), человѣкъ, при пониманіи психическаго, какъ энергіи, въ одно прекрасное утро могъ бы очутиться безъ души, не переставая при этомъ быть человѣкомъ. Это необходимо слѣдуетъ изъ указанной теоріи, такъ какъ психическая энергія можетъ переходить въ другія формы энергіи,— и при нѣкоторыхъ исключительныхъ (или даже неисключительныхъ) обстоятельствахъ должна существовать такая абсурдная вещь, какъ человѣкъ безъ души,—безъ чувствъ, безъ мыслей, безъ желаній...

Такимъ образомъ приходится отвергнуть и эту попытку соединить психофизическую причинность съ принципомъ постоянства энергіи.

Послѣ того, что было сказано о компетенціи принципа постоянства энергіи, ясно, что теорія взаимодѣйствія не можетъ считаться *невозможной*, противорѣчащей данымъ науки. Параллелизмъ дѣйствительно тѣмъ удобнѣе, что онъ вноситъ струю мира въ отношенія между психологіей и естествознаніемъ, отдавая каждому свое, suum cuique. И если бы не было никакихъ серьезныхъ затрудненій противъ принятія параллелизма,—онъ безъ сомнѣнія былъ бы общепринятой, хоть и не *необходимой* психофизической теоріей. Однако, какъ мы это сейчасъ увидимъ, такія серьезныя затрудненія существуютъ; и такъ какъ противъ принятія теоріи взаимодѣйствія, теоріи психофизической причинности *никакихъ принудительныхъ аргументовъ не существуетъ*, то приходится признать, что теорія взаи-

модѣйствія, которая разрѣшаетъ всѣ тѣ противорѣчія, въ какія впадаетъ параллелизмъ, *ближе и лучше истолковываетъ факты*. Факты, о которыхъ мы говоримъ, это факты біологіи, исторіи и психологіи,—и къ изложенію противорѣчій, въ какія впадаетъ здѣсь параллелизмъ, мы теперь и перейдемъ.

Припомнимъ, что мы имѣли три формы параллелизма: 1) параллелизмъ феноменалистическій, признающій независимость причинныхъ рядовъ, вытекающую изъ параллелизма воспріятія ихъ, 2) параллелизмъ метафизическій Паульсена и Геймана—параллелизмъ реальныхъ процессовъ и ихъ воспріятій, признающій между mundus intelligibilis и mundus sensibilis равенство, 3) параллелизмъ реалистическій—говорящій о параллельномъ теченіи двухъ рядовъ, о параллелизмѣ процессовъ.

Мы уже видѣли, что, изъ всѣхъ этихъ формъ, параллелизмъ можетъ быть удержанъ лишь въ реалистической формѣ,—т. е. съ признаніемъ реальнаго параллелизма психическихъ и матеріальныхъ процессовъ. Возможно ли, однако, *психологически* провести этотъ параллелизмъ?

Первымъ затрудненіемъ оказывается невозможность отыскать въ физической сферѣ аналогіи какъ многимъ *особенностямъ* психическихъ явленій, такъ и многимъ психическимъ *явленіямъ*.—При изученіи психическихъ процессовъ мы всегда сталкиваемся съ различнымъ *содержаніемъ* нашихъ процессовъ. Если мы связываемъ въ сужденіи нѣсколько понятій, то эти понятія различаются не только какъ различные *члены* психическаго ряда, но отличаются и своимъ содержаніемъ. Какъ психическіе акты, какъ продукты опредѣленныхъ психологическихъ процессовъ, различныя понятія однородны,—но они имѣютъ различное содержаніе. Физическіе процессы, соотвѣтствующіе указаннымъ переживаніямъ, — истолковываютъ ли *физически* эту тайну содержанія? Процессъ *a*, связанный съ появленіемъ въ сознаніи одного понятія, отличается ли настолько отъ процесса *b*, связаннаго съ появленіемъ въ сознаніи другого понятія,—чтобы различіе этихъ физическихъ процессовъ выражало различіе *содержаній* двухъ понятій? Равнымъ образомъ, мысли о кругѣ можетъ ли соотвѣтствовать какой нибудь *круглый* физіологическій процессъ? Или какъ отражается въ физіологиче-

скихъ процессахъ *цѣльность*, которую мы приписываемъ нашимъ представленіямъ (считая ихъ истинными или ложными)? Приходится признать, что теорія отраженія (Abbildertheorie см. Busse S. 215) немыслима, что въ физіологическихъ процессахъ намъ не найти разгадки *содержанія* психическихъ процессовъ. Это признаютъ и представители параллелизма, которые считаютъ, что принципъ параллелизма требуетъ лишь, чтобы мысль объ истинности представленія *a* имѣла физическій коррелатъ,—но не требуетъ, чтобы коррелатъ представленія *a* имѣлъ бы въ себѣ нѣчто, соотвѣтствующее той особенности представленія *a*, которую мы отмѣчаемъ какъ „истинность“ его. Итакъ, соотвѣтствія въ *особенностяхъ* психическаго бытія физическому не можетъ быть и нѣтъ въ немъ нужды [1]). Необходимо, однако, чтобы если не особенности, не качественная сторона, то хоть ихъ количественная сторона имѣла бы себѣ коррелаты въ физической сферѣ,—чтобы *всѣ* психическія явленія имѣли параллельные физіологическіе процессы, такъ какъ, по выраженію Мюнстерберга [2]), бреши здѣсь невозможны. Однако, какъ показываетъ ближайшій анализъ „относящаго“ мышленія, а равно этическихъ и логическихъ нормъ,—невозможно подыскать аналога всему тому, что входитъ въ психику,—приходится признать нѣкоторый плюсъ на психической сторонѣ. Чтобы не растягивать нашего изложенія ближайшимъ анализомъ этого, мы укажемъ на одинъ только фактъ. Мы имѣемъ въ виду *единство нашего сознанія*, состоящее въ томъ, что наши представленія переживаются, какъ моменты единаго сознанія; оно не есть новое представленіе, такъ какъ единство сознанія не все равно, что сознаніе единства сознанія.—Этотъ фактъ единства созданія не имѣетъ себѣ физическаго коррелата. Попытки Геффдинга найти физическій аналогъ нашли себѣ достойную критику у Ремке въ его Allgemeine Psychologie [3]).

Прямымъ слѣдствіемъ параллелизма является, съ другой стороны, *плюралистическая психологія*, рисующая душевную жизнь, какъ совокупность психическихъ процессовъ, *психомовъ*, висящихъ на воздухѣ безъ субъекта, безъ достаточнаго основанія для пониманія единства сознанія. Фактически психическіе процессы выступаютъ

---

[1]) Busse S. 208—220.
[2]) Busse S. 220.
[3]) См. Busse S. 227.

какъ члены нѣкоего единства, которое въ былыя времена называлось душевной субстанціей. Вундтъ справедливо въ свое время боролся противъ того, что неправильно вкладывалось въ это понятіе, но и онъ, элиминируя понятіе субстанціи изъ психологіи, въ сущности лишь видоизмѣнилъ его [1]). Безъ понятія связующаго единства (которое при параллелизмѣ не можетъ быть удержано, какъ мы выше видѣли) ученіе о душѣ разрѣшается въ душевную атомистику (Mind-Stuff Theorie),—и всѣ явленія должны быть объяснены какъ различныя комбинаціи *самостоятельныхъ единицъ*—психомовъ. Самостоятельность ихъ приходится допустить при уничтоженіи субъекта какъ носителя духовной индивидуальности (Busse 335 и 342—3). Это неизбѣжное слѣдствіе параллелизма ясно созналь Мюнстербергъ, который для этого попытался построить нѣчто въ родѣ психической атомистики. Но для знакомыхъ съ психологіей нечего указывать, что такое построеніе психологіи немыслимо и противъ него справедливо вооружаются психологи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ параллелизма для психологіи является ассоціативное пониманіе фактовъ душевной жизни, механическая конструкція ея. Цигень и пытался, оставаясь вѣрнымъ теоріи параллелизма, развить въ новѣйшее время такую конструкцію,—но опять таки для всякаго, болѣе или менѣе знакомаго съ современной психологіей, съ ея ученіемъ объ апперцепціи ясно, что ассоціативная психологія должна быть оставлена, а „избѣжать ее параллелистъ не можетъ“ [2]). Логическія операціи приходится признавать продуктами ассоціаціи: вѣдь если мы мыслимъ какое нибудь сужденіе какъ необходимое, то коррелата этому моменту цѣнности въ сферѣ физической, какъ мы уже видѣли, указать нельзя. Если же спасать логику (отрицать которую нельзя) тѣмъ, что человѣкъ по необходимости логиченъ,—т. е. признавать въ немъ логическій автоматъ,—то это значитъ забывать, что мыслить о чемъ нибудь съ необходимостью не *есть мыслить это какъ необходимое*. Разсматривая при этомъ человѣка, какъ логическій автоматъ, нельзя было бы объяснить *существованія* ошибокъ (что параллелистъ не можетъ объяснить и самого *сознанія* ошибокъ, какъ

[1]) Зигвартъ считаетъ споръ о субстанціи лишь споромъ о словахъ В. 339.

[2]) Слова Мюнстерберга (Busse 361).

таковыхъ, т. е. категоріи цѣнности, мы это уже видѣли). Мы не говоримъ уже о томъ, что въ такомъ случаѣ игнорируется фактъ свободы духа, его активности, его автономности. Хорошо говоритъ Busse о слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ принятія параллелизма: „вмѣсто хлѣба мы принимаемъ камень: вмѣсто живого духа, который мы сознаемъ въ себѣ, мы принимаемъ комплексъ психическихъ атомовъ, психическій автоматъ".

Мы очень бѣгло остановились на слѣдствіяхъ параллелизма для психологіи,—но и изъ того, что мы сказали, ясно, что принять параллелизмъ невозможно. Психофизическая проблема не должна съ неизбѣжностью пониматься параллелистически—это мы показали выше; теперь мы видимъ, что она и *не можетъ пониматься параллелистически*. Къ этому же выводу приводитъ и анализъ культурно-историческихъ и біологическихъ фактовъ, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

Затрудненія, съ какими встрѣчается здѣсь теорія параллелизма, вытекаютъ изъ того, что ей приходится признавать полную независимость причинныхъ рядовъ—психическаго и физическаго. Возможно ли это? Если дѣло идетъ о психологіи, то самымъ главнымъ пунктомъ здѣсь является проблема возникновенія ощущеній, которую приходится разрѣшать, какъ это прекрасно развилъ Паульсенъ, въ томъ смыслѣ, что такимъ физическимъ моментомъ, какъ, напр., свѣтовыя колебанія, необходимо приписать параллельный психическій моментъ. Какъ ни парадоксально звучитъ это, но въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего непріемлемаго,—и Буссе справедливо вооружается противъ Ремке и Венчера, которые считаютъ проблему возникновенія ощущеній неразрѣшимой на почвѣ параллелизма [1]).

Но иначе дѣло обстоитъ съ физическимъ причиннымъ рядомъ. Прежде всего, въ біологіи существуетъ давно уже мнѣніе, что жизнь не можетъ быть понята въ физико-химическихъ терминахъ,—что въ ней есть, по выраженію Спенсера, неучитываемый динамическій элементъ. Надо, конечно, признать, что виталистическая попытка истолковать этотъ элементъ, какъ особую жизненную силу не удалась, такъ какъ въ этой специфической особенности жизни

[1]) Busse S. 232—3.

видѣли въ сущности силу одного порядка съ извѣстными въ природѣ силами. Но тотъ фактъ, что жизнь въ высшихъ ея проявленіяхъ является психофизической, дѣлаетъ правдоподобнымъ, какъ это указалъ недавно Бунге, что неучитываемый элементъ въ жизненныхъ процессахъ долженъ быть отнесенъ насчетъ психическаго фактора. Оставимъ, однако, въ виду спорности, этотъ отдѣлъ біологіи, и коснемся другого отдѣла—вопроса *о факторахъ эволюціи*.— Съ точки зрѣнія замкнутости физическаго причиннаго ряда человѣкъ является автоматомъ: психическіе факторы—мысли, чувства, желанія—не вмѣшиваются въ теченіе жизненныхъ процессовъ,—человѣкъ, понятый съ его физической стороны, является машиной, которая дѣйствуетъ автоматически. При первой же попыткѣ продумать эту теорію автоматизма (Automatentheorie) приходится натолкнуться на непреодолимыя препятствія. „До сихъ поръ, говоритъ Буссе (S. 243), біологія считала себя вправѣ привлекать и психическіе факторы къ изученію жизни,—она говорила объ ощущеніяхъ, чувствахъ, стремленіяхъ, побужденіяхъ,—и особенно тогда, когда вопросъ идетъ о *борьбѣ* живыхъ существъ за существованіе“. Но говорить о борьбѣ за существованіе автоматовъ невозможно,—такъ какъ „бороться“ могутъ лишь живыя существа, которыя съ помощью чувствъ удовольствія и неудовольствія оріентируются, различая полезное и вредное. Съ точки же зрѣнія параллелизма громадная роль этихъ чувствъ въ процессѣ эволюціи, которую такъ прекрасно показалъ Спенсеръ, упраздняется... Говорить о половомъ подборѣ съ точки зрѣнія параллелизма тоже невозможно—такъ какъ „ощущеніе и созерцаніе не оріентируютъ въ пространствѣ, мышленіе и обдумываніе не помогаютъ въ борьбѣ“ [1].

Особенно рѣзко выясняется невозможность принятія параллелизма, если мы перейдемъ къ человѣку—къ культурной исторіи. Проблема культурной исторіи въ освѣщеніи параллелизма раскрываетъ совсѣмъ не ту картину борьбы и побѣды надъ силами природы, какую мы знаемъ, „такъ какъ прогрессъ является необходимымъ продуктомъ физическихъ силъ, дѣйствующихъ слѣпо, по механическимъ законамъ—случайнымъ слѣдствіемъ дѣятельности великаго автомата—природы“ [2]. По извѣстному выраженію Штумфа [3]

[1]) Busse S. 246.
[2]) Busse S. 247.
[3]) Stumpf. Leib und Seele 18—19.

„каждый изъ обоихъ міровъ (психическій и физическій) дѣйствуютъ такъ, какъ если бы другой не существовалъ. Психическій міръ остается совершенно безъ вліянія на теченіе и развитіе физическаго. Организмы живутъ и дѣйствуютъ, люди основываютъ государства, пишутъ стихи, собираютъ конгрессы, движимые чисто физическими силами, такъ, какъ еслибы не существовало ни мышленія, ни чувствъ, ни воли". Приведемъ также знаменитый примѣръ Буссе—вопросъ объ истолкованіи сраженія при Аустерлицѣ. Мы знаемъ, какъ это сраженіе рисуетъ исторія, какую роль отводитъ она военному генію Наполеона I, его распорядительности, его умѣнію быстро использовать положеніе, разгадать планъ непріятеля. Умъ Наполеона напряженно работаетъ,—и скачущіе въ различные стороны адъютанты разносятъ его приказанія; войска двигаются, раздаются выстрѣлы, летятъ гранаты. Въ результатѣ сплетенія психическихъ и физическихъ процессовъ, входящихъ въ составъ событій—Наполеонъ одерживаетъ побѣду при Аустерлицѣ. Съ точки зрѣнія параллелизма этотъ фактъ приходится истолковывать иначе. Цѣпь физико-химическихъ процессовъ, законы которыхъ съ такимъ же постоянствомъ дѣйствовали въ день сраженія при Аустерлицѣ, какъ и до и послѣ него,—вотъ и все, что даетъ параллелизмъ для того, чтобы объяснить побѣду Наполеона. Правда, параллельно шли психическіе процессы, но для объясненія побѣды Наполеона они не нужны,—такъ какъ физическій причинный рядъ не обрывался [1]). Либманъ остроумно замѣчаетъ, говоря объ этой независимости двухъ сферъ бытія, о невозможности вмѣшательства психическихъ факторовъ въ ходъ физическихъ процессовъ, что „въ теоріи мы слѣпыя машины, но на практикѣ мы должны вести себя, точно мы нѣчто большее... и я буду вести себя такъ въ дальнѣйшемъ, прибавляетъ онъ, будто *эти* слова я написалъ потому, что *я хотѣлъ* написать..." (Busse 254).

Иные параллелисты (какъ Паульсенъ) пытались при обсужденіи историческихъ проблемъ перейти съ эмпирической точки зрѣнія на метафизическую, чтобы, такимъ образомъ, найти разуму и волѣ мѣсто въ исторіи. Но помимо того, что, какъ мы указали въ

---

[1]) Напомнимъ, что точку зрѣнія Паульсена, согласно которой *реально* не было ни войскъ, ни выстрѣловъ, ни пушекъ, а были лишь психическіе процессы,—эту точку зрѣнія, устраняющую противорѣчія при истолкованіи исторіи, мы уже отвергли какъ невозможную.

примѣчаніи, Паульсеновскій параллелизмъ немыслимъ,—по справедливому замѣчанію Буссе мы *методологически* не можемъ при разрѣшеніи эмпирическихъ проблемъ (какъ въ данномъ случаѣ) оставлять эмпирическую точку зрѣнія, законность которой для другихъ проблемъ самъ Паульсенъ такъ горячо отстаиваетъ. Во всякомъ случаѣ приходится признать, что такую эмпирическую проблему, какъ вопросы исторіи, параллелизмъ эмпирически разрѣшаетъ такъ, что впадаетъ въ явную безсмыслицу. Единственно, что остается въ утѣшеніе параллелизму,—это то, что вмѣсто одной исторіи онъ сразу имѣетъ двѣ—психологическую и физіологическую,—та и другая одинаково должны дѣлать понятнымъ параллелисту всемірно-историческій процессъ.

Независимость обоихъ причинныхъ рядовъ, какъ мы видѣли, имѣетъ слѣдствіемъ разобщеніе всего бытія на двѣ сферы, которыя развились и существуютъ одна возлѣ другой, не оказывая никакого вліянія одна на другую. Если реалистически понимать психофизическую проблему (а ее иначе понимать нельзя, какъ мы уже видѣли),—то эта мысль о совмѣстномъ существованіи двухъ сферъ бытія прямо таки чудовищна съ точки зрѣнія эволюціи, разсматривающей міръ, какъ комплексъ элементовъ, находящихся въ взаимодѣйствіи. Но мало этого. Развѣ возможно, какъ мы только что видѣли, создать механику культуры? „Развѣ *мыслимо*, спрашиваетъ Буссе, объяснить жизненную дѣятельность животныхъ, техническую, художественную, научную, соціальную работу людей физикохимически“ [1])? Это сознаютъ и сами защитники параллелизма, — и такіе крупные послѣдователи его, какъ Вундтъ, Іодль и другіе, при обсужденіи культурно-историческихъ вопросовъ, оставляютъ почву параллелизма и высказываются въ духѣ взаимодѣйствія [2]).

Самымъ главнымъ затрудненіемъ, безъ сомнѣнія, является тотъ фактъ, что въ то время, какъ историческая наука раскрываетъ намъ *закономѣрность* явленій, параллелистическая точка зрѣнія не въ состояніи устранить элемента *случайности*. Спеціально созданная Мюнстербергомъ для устраненія этого Actionstheorie тоже не устраняетъ случайности. Мы не будемъ входить въ детали этой теоріи,—и укажемъ лишь на одинъ еще примѣръ—такъ называе-

---

[1]) Busse 269.

[2]) У Busse см. 270—280.

мый „Telegramm Argument“—чтобы подчеркнуть элементъ случайности въ параллелистическомъ освѣщеніи жизни.

Купецъ получаетъ телеграмму: Fritz ist angekommen (Фрицъ прибылъ),—и это извѣстіе возбуждаетъ въ немъ радостное состояніе: онъ смѣется, сообщаетъ женѣ содержаніе телеграммы, возвращается въ контору, садится и закуриваетъ сигару. Черезъ нѣкоторое время этотъ же купецъ получаетъ телеграмму—Fritz ist umgekommen (погибъ). Эта телеграмма потрясающе дѣйствуетъ на купца, и онъ безъ чувствъ падаетъ на землю.—Различіе эффекта въ двухъ случаяхъ зависѣло всего лишь отъ двухъ буквъ (вмѣсто an—um); спрашивается, чѣмъ же объяснить это, *если пренебречь различіемъ смысла*? Если, съ другой стороны, примемъ, что первая телеграмма была бы написана не на нѣмецкомъ, а на французскомъ или англійскомъ языкѣ,—то очевидно, что, *несмотря на громадное различіе физическихъ процессовъ, протекающихъ въ этихъ различныхъ случаяхъ, эффектъ былъ бы одинъ и тотъ же*,—что прекрасно объясняется сходствомъ содержанія... Ясно, что, оставляя въ сторонѣ *смыслъ* телеграммы и желая объяснить различіе эффектовъ различіемъ физическихъ процессовъ при прочтеніи телеграммы, приходится впадать въ явный абсурдъ...

Паульсенъ, а затѣмъ Кёнигъ указывали, правда, что и оставаясь на точкѣ зрѣнія теоріи взаимодѣйствія, невозможно объяснить указанный фактъ, но Буссе на это справедливо отвѣчаетъ, что невозможность для теоріи взаимодѣйствія указать самый механизмъ вліянія смысла на эффектъ не говоритъ противъ *немыслимости* этого вліянія, тогда какъ выше шла рѣчь о *немыслимости* физико-химической точки зрѣнія. Самый характеръ *пониманія* иной, когда дѣло идетъ о физико-химическомъ истолкованіи историческихъ фактовъ или о включеніи въ объясненіе психологическихъ моментовъ. Переживая въ себѣ самихъ факты непосредственнаго перевода нашихъ мыслей, желаній въ внѣшніе процессы, мы, зная смыслъ переживаній, понимаемъ уже и ихъ роль, какъ факторовъ [1])...

Въ заключеніе укажемъ на слѣдующее.

Психофизическая проблема касается истолкованія эмпирически даннаго факта связи души и тѣла,—но, какъ выяснилось изъ изло-

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. у Busse 319—321.

женія, эта проблема въ *своемъ рѣшеніи* даетъ опредѣленную *метафизику*. Это совершается въ двухъ направленіяхъ. Во первыхъ, признаніе параллелизма или теоріи взаимодѣйствія требуетъ опредѣленнаго отношенія къ метафизическому составу принципа энергіи—именно,—къ вопросу, разсматривать ли матеріальный міръ, какъ замкнутое цѣлое или же признавать реальные процессы, лежащіе въ основѣ матеріальныхъ явленій, какъ находящіеся въ взаимодѣйствіи съ психическимъ бытіемъ[1]). И въ томъ и другомъ случаѣ приходится переступать границы опыта, такъ какъ „вселенная", „природа"—есть *идея*, а не фактъ опыта. Съ другой стороны рѣшеніе психофизической проблемы вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ опредѣленное рѣшеніе *онтологической* проблемы,—хотя бы гносеологическія воззрѣнія исключали возможность самой постановки вопроса относительно того, что существуетъ само по себѣ, независимо,—какъ истинное бытіе; не останавливаясь на подробномъ раскрытіи этого, остановимся на мыслителѣ, пріобрѣтающемъ теперь большую популярность. Мы говоримъ объ Эббингаузѣ, который по своимъ гносеологическимъ взглядамъ является послѣдовательнымъ феноменалистомъ; не признавая трансцендентности ни субъекта, ни объекта,—онъ очень близокъ, если не вполнѣ солидаренъ съ имманентной философіей, т. е. чистѣйшимъ позитивизмомъ. Проблема сущаго, вопросъ о томъ, что такое бытіе само по себѣ не имѣетъ рѣшительно никакого смысла съ этой точки зрѣнія,—и несмотря на все это Эббингаузъ, примыкая къ параллелистамъ, пріобрѣтаетъ рѣшеніе вопроса, который имъ даже не былъ поставленъ. Согласно его мнѣнію—реально совершаются процессы, которые при сознаніи ихъ человѣкомъ, разбиваются на двойной рядъ физическихъ и психическихъ процессовъ. Такимъ образомъ наличность бытія „самого по себѣ" установлена...

Конечно, это не argumentum ad hominem. Невозможно, будучи параллелистомъ, отказываться отъ истолкованія принципа параллелизма,—такъ какъ лишь *факты* пользуются той привиллегіей, что ихъ можно принимать какъ данное, не истолковывая. Параллелизмъ

---

[1]) Напомнимъ, что попытка показать связь гносеологіи съ параллелистическими построеніями, какъ она дана у Паульсена и Эббингауза, содержитъ въ себѣ предпосылку замкнутой причинной связи физическихъ процессовъ, слѣдовательно подходитъ подъ охарактеризованный типъ *метафизическихъ* ученій; попытка же Гейманса и Вундта, какъ было показано, покоится на недоразумѣніи.

же есть гипотеза,—и обязательно поэтому отвѣтить на вопросъ, почему сознаніе наше констатируетъ параллельно два ряда явленій, почему эмпирически душа и тѣло связаны эмпирически [1]). Параллелистическій отвѣтъ на это, какъ мы сейчасъ показали, рѣшаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ онтологическій вопросъ. Съ другой стороны, теорія взаимодѣйствія имѣетъ смыслъ лишь при гносеологическомъ реализмѣ,—т. е. при признаніи, что т. наз. внѣшній міръ не есть *лишь* содержаніе нашего сознанія, но существуетъ независимо.

Пока не устранены затрудненія, встрѣчающіяся при параллелистическомъ освѣщеніи проблемъ біологіи, психологіи и исторіи,—пока приходится при рѣшеніи психофизической проблемы склоняться къ теоріи взаимодѣйствія,—реалистическое міросозерцаніе (въ метафизическомъ смыслѣ) является необходимымъ слѣдствіемъ этого, и чистый позитивизмъ стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, на что наталкиваетъ опытъ.

---

[1]) Вундтъ, близко подходящій въ своей гносеологіи къ имманентной философіи, называетъ этотъ вопросъ проблемой общей основы опыта (Syst. d. Phil. 399. рус. пер. 248). Въ формулировкѣ Вундта видна гносеологическая неизбѣжность проблемы, но не видна ея эмпирически-научная неизбѣжность. Съ точки зрѣнія позитивизма (съ которой только и возможно сомнѣніе въ существованіи онтологической проблемы) параллелизмъ, отвѣчая на вопросъ о связи души и тѣла, исчерпывается тѣмъ, что *констатируетъ независимость обоихъ причинныхъ рядовъ*, но не объясняетъ (даже не въ состояніи мыслить наличность) связи души и тѣла (см. раньше цитату изъ Шуппе), какъ она поставляется эмпирическими данными. Объясненіе этой связи и даютъ метафизическія построенія, подобныя построеніямъ Эббингауза.